

носорог

Венеция
Москва
2018

носорог

Литературный журнал
№ 8, весна 2018

Главный редактор Катя Морозова
Редакция Игорь Гулин и Станислав Снытко
Корректор Мария Янушкевич
Оформление Speechcoma

На обложке
Markus Schinwald. *Gallagher*
© Courtesy of the artist

В журнале использованы гарнитуры
Vrioni Sans *Николы Джурека* (кириллица
Александра Тарбеева), Jannon *Франтишека*
Шторма, Geometria Narrow *Вячеслава*
Кириленко и *Гаянэ Багдасарян*

Издательский дом «Мамихлапинатана»

Генеральный директор Антон Ярош
Исполнительный директор Егор Мостовщиков

Адрес редакции 123022, г. Москва,
пер. Столярный, дом 3, корпус 1

Тел.: +7 499 652-51-43

mamihlapinatana.ru
nosorog.media

Журнал зарегистрирован в Федеральной
службе по надзору в сфере связи и массовых
коммуникаций. Свидетельство о регистрации
СМИ ПИ № ФС77-72008 от 26.12.2017

Тираж *из кувцева тянется в строгиню*
Отпечатано в ООО «ИПК Парето-Принт»,
170546, Тверская обл., Промышленная зона
Боровлево-1, комплекс № 3А
pareto.ru
Заказ 3115/18

медиаартель
Мамихлапинатана

SPEECH

COMA

- 7 Валери Ларбо
Детские
Перевод и предисловие Алексея Воинова
- 73 Арсений Ровинский
Искусство кино
- 79 Вальтер Беньямин
Два стихотворения Фридриха Гельдерлина
(«Мужество поэта» — «Робость»)
Перевод Ивана Болдырева под редакцией Анны Глазовой
- 101 Фридрих Гельдерлин
Мужество поэта. Робость
Перевод Анны Глазовой
- 107 Мария Малиновская
Неспособность к пространству
- 117 Доналд Бартелми
Эдвард и Пиа
Перевод Станислава Снытко
- 125 Василий Бородин
Над душой у всего
- 129 Маркус Шинвальд
- 145 Павел Улитин
Слова вокруг чужих слов
- 157 Вадим Банников
Кабинет для заседаний и море
- 165 Павел Пепперштейн
Странствие по таборам и монастырям
Роман. Продолжение

СЛОВА ВОКРУГ ЧУЖИХ СЛОВ

Павел Улитин

что тот, что этот
СЛОВА ВОКРУГ ЧУЖИХ СЛОВ
10 стр

Редакция благодарит Михаила Айзенберга
за предоставление рукописи.

СЛОВА ВОКРУГ ЧУЖИХ СЛОВ

*/Памяти Бер. Брехта,
Бор. Зингермана
и других/*

14.4.65

Что тот, что этот.

Для вас, изведавших ничтожество земных надежд.

Был бы непрофессиональный разговор о прозе Розанова глазами Шкловского 40 лет спустя, а еще живы старики, для которых звучат "великий Розанов", "гениальный", "упоительный Розанов" /АИЦ/ — книга как Священное Писание. Но как связать это с Бертольдом Брехтом. А через Толю Эфроса. Он читал, он задумал, он осуществил. Он читал, конечно, главным образом то, что вы пробрасываете: ремарки больше, чем слова персонажей. Он оценил. А мы вот смотрим и думаем. Для вас, изведавших ничтожество всяких схем и концепций: кое-что понравилось, кое-что не понравилось, как всегда. Шуршание бумаги в темноте: стихи Булата о солдате, тоже в Брехта входит, как непрременный элемент. Что сейчас пишет знаток позднего Пруста /периода Альбертины/? Что в этот самый момент пишет ИНС? Это в общем касается только самого пишущего. Когда мы будем читать чужие слова черным по белому, они будут навязывать нам свое ощущение того, что мы сами видели. И если хорошо написано, мы откажемся от собственных чувств и будем пользоваться чужими мыслями. Слова заразительны. Сначала фыркнешь, а потом отзовется, и не можешь от них избавиться.

2

Красный переплет. Жан Вилар, Борис Зингерман, Бертольд Брехт и другие. Те же заботы. Ю. Олеша, Б. Пильняк, В. Шкловский — а ведь это на самом деле то же самое. Связать. Найти слова. Поймать неуловимое. Остановить мгновение. И даже Альбер Камю /"Бунт индивида", стр. 266/, и даже Куприн на Пушкинской площади /"Гранатовый браслет"/: да святится имя твое — Россия. Кинотеатр. Все как в кино. Как на "Терезе Ракен". Чайки умирают в гавани. А не надо ходить смотреть. А не надо портить впечатление. Ты плакал над жиной дяди Тома, когда был маленьким, но ты не помнишь заботу тогда: когда я перестану быть маленьким? Вот вырасту, я им покажу. Малыш Сартр — молодец, в нем величие Франции! Хм. Если вы уже знаете и любите Брехта.

148

Зрелище, как хлеб, остается в памяти, как прожитая жизнь /не повторится/: наводит на постоянные размышления. Для тех, кто видел — да. Для тех, кто сидел /в зрительном зале/ — да. Вдова автора одной книги /"Т и мы" /— симпатичная женщина, но какой вид, но какой ужас — пережить смерть любимого человека. А он не Николай Островский. Он вышел из дому, чтобы купить рыбу. Его ждет дома жена. Так он и должен вспомнить в последний миг, что она его ждет. Меня ждет дома жена. А у него не тот характер. Тоже неплохо.

Американский кинофильм с американской секс-бомбой Дза-Дза Габор /"Сталин жив" / даже в кратком пересказе имеет успех. Каждая фраза вызывает веселое оживление. Облака идут в Абакан. Зрители пошли по кабакам. А как еще можно закончить такой вечер? Я бы перечитал "Камни и травы". Я бы тоже. Но у меня просто нет времени.

Я потерял собеседника.

Она потеряла читателя.

Красный переплет не всеми прочитанной книги: они пишут по старинке, как Гоголь. Он сошел на виду у государственного Гоголя. Так мы и расстались. Они ходят пешком. Как Чехов. Они читают на ночь Дорошевича. Наследница БЗ смеялась с удовольствием. Она открывает для себя заново ФМД. Не три романа, а просто все с самого начала. А Дима Гаевский — красивый парень. Да, его зовут Голубой Вихор. Что значит антураж! На фоне матушки Кураж он производит совсем другое впечатление. В редакции журнала "Театр" он совсем другой. А в кафе его можно и не узнать. А разве плохо про Дорошевича? О романах Франсуазы Саган мне не понравилось. А цитата из Гаевского на лощеной бумаге «Англии»? Каждый день проходит мимо резиденции и перестал замечать ТВЧД. А мы сегодня рано ляжем спать. За что взяться? С чего начать? Итальянский неореализм на кухне в коммунальной квартире тоже входит в ББ. АА — это не Анук Эмэ, это НОД. Я знаю его только по книге «Смейся и не мешай смеяться другому». Вся ее эlegantность держится на булавах.

Да святится имя твое. Иначе позор и пипифакс. Потом будет множество аллюзий. Он прав. А они к этому профессионально. Сколько слов, за 3 часа, слов сколько! И мысль глубокая, и вся правда о человеке, но, боже мой, какой безнадежный взгляд! Какая печальная штука — солнечная система. Что тот, что этот. Что та, что эта.

Взрыв клавишей, и лучшие слова читает горячая спичка. Горит табу, снимите шляпу! Снимите шляпу и помолчите 5 минут. Табу горит!

Все Ге. и все Га. вышли из ИФЛИ: такова реакция новейших поколений. Я никогда не учился в ИФЛИ. Вы меня с кем-то спутали. Вы ошиблись. Теперь сторожевая собака у входа в русскую поэзию. Только мертвецы не изменяются. Какая жуть — этот ББ! Какая девка — эта ББ. Это он ее открыл. Это я первый сказал "Э-э". А у вас во рту зуб со свистом. Из классового врага делают шашлык, вот это, я понимаю, классовая борьба. Что та, что эта.

150

Он же обожает, когда его обожают.

Они шляпу снимают, когда увидят на экране Эйфелеву башню. Она знает истинную причину. Он работает, а я гуляю? У нее разве есть время развлекаться по театрам? Сердце в размерах не увеличено. Пульсация ритмичная. Врут они все. Запомни: Лева Дуров — замечательный актер. Запомню. "Ха-ха-юморочек" — Артистка Яковлева — великая актриса. Запомнил. Такой Брехт всю дорогу? А Брехтов столько, сколько пьес. Толпы спешили вниз. Кончилось искусство, началась давка у гардероба. Присутствие театрального критика рта не раскрыть. Она выдавала только что пришедшие в голову мысли, и ей очень хотелось их выдать, и она боялась, что их кто-то подхватит. Но их никто не подхватил. Такси остановилось у "Современника".

А тот ли это Рабинович?

В нашу жизнь вошел Бертольд Брехт. Это как в АИЦ упоительный Розанов. Над опавшими листьями — дым, дым, дым. Хорошо умереть молодым. Певцу Гюльнары подражая, сей Геллеспонт переплывать. Только не говорите "7 раз", это значит, что одежда осталась на другом берегу Волги. "Весенний лист" забыт, заброшен. Вздыхают жалобно басы. И каждый думал о своем. Сколько слов, за 3 часа сколько чужих слов!

Всякий раз проходя по площади Ногина, видел перед собой две страницы с советом: вы повесьтесь на арке у подъезда ВСНХ на Варварской площади, это будет эффектно. И только через 16 лет узнал, что это две страницы из "Зависти" в издании "ЗИФ". Баллада о баране никого не трогает в Театре ленинского комсомола. А казалось бы, великий могучий родной и всякий другой русский язык. Тут ценят сценические эффекты. В нашу жизнь вошел ББ. Из нашей жизни ушла ББ. Стара, конечно, да, стара. Какая незнакомая мне местность!

Похоже на случай с "Терезой Ракен". Нет, не на многое все-таки способно кино. А театр еще меньше.

Последняя лента — по трем категориям только для домашнего употребления. Прокрутил и швырнул на шкаф. Внезапная боль. Он босс. И ему это важно. Не "нач. твор.". Она сидела и волновалась — благодарный зритель, — а за спиной два профессионала громко разбирали фильм по косточкам. Я их готова была убить! А другой благодарный зритель сидел в другом конце зрительного зала. И был разговор. Штопор есть? Звук открываемой бутылки. Крючков играет?? Буквально в темноте. А-а-а, я посплю. Симона Синьоре и те, кто на нее смотрят.

152 Я стараюсь, вычитываю разные штуки из разных труднодоступных источников, а мне говорят: это уже было. Старо. Такая обида. Ценится только Одна Потрясающая Новость. И "Искусство кино" и "Театр" и "Новый мир" и "Музыкальная жизнь": ах, оставьте, ах, не надо. Но вот он валется, расстрелянный, американский солдат. Хорошо? Чужие радости, а мы радуемся вашим радостям. А он попросил задуматься над его проблемой: как передать день физика и эстетику учительского труда. Его поражает множество НЕ-индивидуальных особенностей. Они же думают формулами! Его приставили к стенке и завязали глаза, а он думает формулами. Раз! Два! ПЛИИ!!

Делай как Э. Делай как Б. Делай как А.

Нет уж, пусть он будет не в меру порядочным человеком. Нет уж, пусть она будет не в меру хорошей женщиной. Все в меру: в меру красивая, в меру добрая, в меру порядочная. Все в меру: в меру приличный, в меру умный, в меру честный. Нет, не простят они ему, что он был талантливый поэт.

Тот же жест.

Да.

Знакомый жест.

Поблекли вдруг одинокие слова из под только что дымившейся машинки. Корову подоили, корова испустила вздох облегчения. А цитату на французском он с ходу подарил другому. Разве его интересует благоустроенное государство? Книга-подарок шла по кругу, и это лучше, чем собака на сене. Уот-с инглиш фоо "гэ"? А правда, мы не знаем такого важного слова. Странно, почему я не спросила что именно. Кое-что ПОНРА, кое-что НЕ ПНРА, как всегда. Заранее был уверен в профессиональности ответа?

153

Благодарный зритель и неблагодарный читатель сидели рядом в партере. Нельзя себе представить ни одного дня будущей жизни без аллюзий на пьесу "Что тот солдат, что этот". Целый вечер, как проклятые, вспоминали воскресного обозревателя. А мы пойдем в кино. А мы возвратимся к "Стенам Малапаги".

Книги по кино тем и хороши, что заставляют думать на языке кинематографа. Без слов, без словарей, без дураков, идут кадры кино-фильма, который называется "Прожитый день не повторится". Что тот шедевр, что этот. Лишь бы на 15 минут уйти в тот особенный мир, где можно легко дышать и улыбаться. На общих основаниях с чем-бы-дитяни-тешилось.

Уже впереди белеют Белые Столбы.

Мертвец больше не предаст. Оправдываться на том свете будет он, а не мы. Мертвец больше не утешит. У него законченная биография. Мертвец больше не будет другом.

Мертвец больше не будет палачом. Мы-то не умрем! А я избегаю собеседников 37 года. Не потому. Вот если они встретятся, ЕБЖ, у Анатолия Эфроса в театре 1997 года, тогда, ЕБЖ, и только тогда и никогда больше. Ког-да меня спрашивают про ИФЛИ, у меня перед глазами перевернутая кровать в карцерной камере Бутырской тюрьмы. Об этом не расскажешь, а именно это-то и означает ИФЛИ. А для них это совсем другое. Расстрел для них — это театрализованное зрелище. А мы подписывались на том месте типографского бланка, где стояло "подпись расстрелянного". Дико было смотреть. Форма была одна, заготовлена в миллионе экземпляров и заполнялась даже на тех, кого не расстреливали. Не спрашивай меня о том.

Пантомима боя в темноте, да, девочки в брюках, да, переход от ужаса к хохоту, да, хороший спектакль, да, удивительная находка, да, может снимут, да, но вот он валяется мертвый, американский солдат, тот, что в харчевне порта показал мне кулак.

Ах, Куба, тебя я знаю.

И мы знаем: мертвые не изменяются.

И советую вам бороться с ...измом, ...измом и ...измом. А как бороться с алкоголизмом? А с ревматизмом?

Сраму не имут, биография закончена, никаких неожиданностей в отделе кадров, на них можно положиться. Можно рисовать ореол. Можно золотыми буквами на белом мраморе. Или наоборот.

А он все-таки стал палачом. А был добродушный человек. Все решило "или-или". В смысле выхода нет. Вот теперь он заговорил о "Цветке в пустыне". Теперь он оценил проблему. А что бы я сделал на его месте? А что бы ты сделал? А что бы он сделал на его месте? А он? А она? Потому что легче присвоить чужую книгу, чем усвоить ее содержание. Потому что та же проблема.

А ИФЛИ — это всегда как честный человек превращается в кусок визжащего мяса. А побоев он не боялся. Бить будут, буду драться. Влетало шесть вертухаев, и он кидался в драку. В горячке все просто. А кончалось все внезапной потерей сознания. А тогда все равно. Хуже было другое: что-нибудь медленное и продолжительное, что казалось без конца. Вот и часами мерзнуть-замерзать без одежды. И никто не требует: подпишись, и все прекратится. Подписался бы. Все бы сделал. Но никто не требовал.

Хватит!!

Вот свяжи это с "Пусть вырастают борцами",
и с "упоительным Розановым", и с "две рыбачки"
/у телефонной будки на улице, по которой ходи-
ла Валентина Серова /жди меня, и я вернусь — мо-
жет, героини Ремарка, но самой высокой и чистой
марки — и с завистью к теории прозы /Шкловский
в 25 году/, и с либеральным инквизитором у самосо-
жженцев — вот свяжи, попробуй.

Не связывайся ты с ними.

А мы возвратимся к смерти героя у стен Мала-
паги.

Да святится имя твое!

156 Сначала это относилось к Советской России, по-
том к АА, потом к ББ.

Что тот, что этот.

Да святится имя твое.

Имя твое.

Имя твое.